

УДК 82.02
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-202-211

Реализация комического в книге А. Борисовой «Записки для моих потомков»

Д. И. Фролкина

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Исследуется реализация форм комического в произведении детской литературы современной якутской писательницы на примере комизма характера, комизма ситуаций и языкового комизма. Комизм характера реализован в образе главной героини, Валентинки, простодушной и непоседливой девочки, главной чертой которой является умение попадать в различные истории. Комизм ситуаций выстраивается на основном приеме комического – неожиданности. При этом в повести отчетливо выделяются приемы, сопряженные с реакцией испуга и страха, основанные на недопонимании героев, связанные с обманутыми ожиданиями, выстроенные на комическом контрасте.

Юмористический эффект достигается также за счет средств языкового комизма: обыгрывания многозначного слова или фразеологизма, использования речевых каламбуров и имитации детской речи. В произведении используются также театральные и цирковые приемы комического, например классическая буффонада.

Ключевые слова

комическое, детская литература, современная литература, якутские писатели

Для цитирования

Фролкина Д. И. Реализация комического в книге А. Борисовой «Записки для моих потомков» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 202–211. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-202-211

Realization of the Comic in the Story by A. Borisova *Zapiski dlya moikh potomkov (Notes for My Descendants)*

D. I. Frolkina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

In the following article, we explore the ways to create a comic effect in the in the stories of the modern Yakut children's writer A. Borisova *Zapiski dlya moikh potomkov (Notes for My Descendants)*. The comedic tropes are analyzed on three levels: the characters, the situations, and the language. Children's literature has always been particularly humorous and entertaining, which is vividly seen in the works of the best domestic children's writers (N. Nosov, V. Dragunsky, V. Golyavkin etc.). Because of this, in literary criticism and linguistics there is an extensive classification of various techniques for creating a comedic effect. E. Garanina, N. M. Rotanova, I. V. Tsikusheva and others are engaged in the study of these techniques using children's literature as their research material. Nevertheless, the major works are still devoted to the issues of linguistic comedic effects which determines the relevance of this study.

The comic effect of the story by A. Borisova is achieved in several ways, including those of non-literary nature, for example, theatrical circus in the form of classic buffoonery. The comedy is delivered by the main character of the story – the restless girl Valentinka whose defining trait is her ability to get into various funny situations. Valentine's character is outlined from different sides; the negative sides of the girl are, too, shown to the reader. Because of this,

© Д. И. Фролкина, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

the author emphasizes that the protagonist is a realistic character with all the positive and negative traits typical for real people. Thus the author achieves one of the goals of children's literature: to convey the important moral and moral values to the child reader using the example of a young protagonist. The comedic elements of fictional situations are based on unexpected or comic contrast caused by a misunderstandings. Language-based comedy is represented quite widely and is based on various types of wordplay, for example, using polysemy, phraseological units or language paradoxes, incorrect word reproduction and imitation of word formation typical for children's speech.

Summing up, we can say that the stories of the Yakut author A. Borisova *Zapiski dlya moikh potomkov* (*Notes for My Descendants*) demonstrate various ways of creating a comic effect on a variety of text levels.

Keywords

comic, children's literature, modern literature, Yakut writers

For citation

Frolkina D. I. Realization of the Comic in the Story by A. Borisova *Zapiski dlya moikh potomkov* (*Notes for My Descendants*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 202–211. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-202-211

В данной статье будет рассмотрена реализация комического в произведении А. Борисовой «Записки для моих потомков». Стоит упомянуть, что именно с этой повестью современная якутская и российская писательница стала финалистом Международной детской литературной премии им. В. Крапивина в 2010 г. Рассматривая особенности юмора в указанном тексте, мы обратим внимание на комизм характера, комизм ситуаций и языковой комизм.

При создании детского произведения авторы прибегают к различным средствам и приемам комического. Изучению этого посвящены работы Е. А. Гараниной (1998), Н. М. Ротановой (2006), И. В. Цикушевой (2010), А. А. Идиатулиной (2011), Л. В. Чаловой (2013) и др.

Юмор – одна из отличительных черт детской литературы, особенно ориентированной на младший возраст: «Жизнеутверждающий юмор – характерная эстетическая особенность литературы, адресованной читателям старшего дошкольного и младшего школьного возраста» [Москвичева, 2009. С. 75]. Тот факт, что детская литература в значительной мере юмористическая и смешная, отнюдь не случаен. С одной стороны, такая ситуация отражает здоровую психологию ребенка (повторим распространенное мнение, что ребенку нужен повод только для печали, естественное же его состояние – радость), а с другой стороны, позволяет передать важные воспитательные и нравственные идеи и ценности в понятной детям форме. Как утверждал А. Алексин, «юмор и занимательность – это порой кратчайшее расстояние между самой серьезной проблемой и сознанием юного читателя» [2017. С. 3]. Произведения признанных детских писателей (Н. Носова, В. Драгунского, В. Голявкина и др.) полностью соответствуют этому, прививая маленьким читателям в увлекательном и юмористическом виде важные моральные идеи.

Необходимо сказать о границах терминов, так как вышеназванные понятия *комического*, *юмора* и *смешного* по-разному трактуются в отечественной и западной науке, следовательно, находятся в разных отношениях между собой. В данной статье мы вслед за Ю. Боровым и А. Зисем принимаем точку зрения, дифференцирующую комическое и смешное, так как не все смешное является комическим: смех может быть вызван самыми разными причинами, в том числе и физиологического характера, в то время как комическое подразумевает наличие (хотя бы в минимальном виде) неких эстетических и интеллектуальных установок. В свою очередь, юмор наряду с сатирой (иногда иронией и сарказмом) принято считать формами или видами комического. Следует отметить, что терминологическая база среды комического весьма обширная и противоречивая. В цели данной статьи не входит подробное освещение различных точек зрения на разграничение этих понятий, мы остановимся на традиционном взгляде на юмор как форму выражения комического.

Комизм характера

Как считал Н. Носов, «действительная причина смешного заключена не во внешних обстоятельствах, ситуациях, положениях, соответствиях или несоответствиях, а коренится в самих людях, в человеческих характерах» [1985. С. 168]. Советскому писателю, как никому другому, удалось создать яркие и непосредственные образы детей. За таким изображением стоит особая художественная психология: живые и цельные герои, попадая из одной истории в другую (нередко в силу своей неопытности или нестандартного взгляда на ситуацию), условно «втягивают» в свои истории и ребенка-читателя, который, воспринимая героев как своих сверстников, вынужден формировать свою собственную точку зрения. Таким образом, заостряя внимание на комическом характере, автор отменяет в рамках произведения принятую иерархию *читатель – герой*, делая ребенка реальным участником описываемых событий.

В «Записках для моих потомков» А. Борисовой главным героем выступает девочка Валентинка, вместе с семьей регулярно приезжающая на каникулы в деревню, к бабушке. Именно там и происходят все юмористические ситуации.

Ю. Борев отмечал, что «комический характер часто дается путем сатирического заострения и преувеличения одной, главной черты» [1970. С. 199]. Главной чертой Валентинки является ее удивительная способность попадать в разные переделки, неожиданные ситуации. Нередко причиной этого становится неординарная логика героини. Так, например, на вопрос друзей, почему у нее забинтована нога, девочка отвечает: «...я просто так бинты накрутила, из-за Мальвы... Она лапу ушибла и хромает. Поэтому я Мальве лапу перевязала и себе тоже из солидарности» [Борисова, 2014. С. 84]¹. Или ей хочется завести маленького «дракончика-варана», ведь «он станет домашним, а когда вырастет большим, то запугает тех, кого я не люблю» («Операция МИК»). Рассуждения Валентинки по-детски непосредственны и простодушны, она пытается найти свое объяснение непонятным ей вещам, и у читателя это вызывает искреннюю улыбку: «Человек не должен быть один. Он должен кого-то любить, с кем-то ссориться и драться» («Ничейная бабушка»).

Бойкая и непоседливая, Валентинка всегда занята «делом», поэтому, если девочка проводит весь день дома и усердно помогает домашним, это оправданно вызывает недоверие и опасения со стороны всех членов семьи: «Я... весь вечер вела себя так хорошо, что удивила маму и бабушку, а мамин брат дядя Сеня запел с подозрением в голосе: “Что день грядущий нам готовит?”» («Воспитательные цели»).

Образ Валентинки становится в один ряд известными героями-проказниками (Миша и Коля Н. Носова, Денис Кораблев В. Драгунского и др.). А. Борисова, помимо изображения комической стороны детского образа, обрисовывает и другие качества героя, делая его не только занимательным типажом, но и живой, реальной личностью со своими мыслями, мечтами и системой ценностей. Из «Записок...» мы узнаём, что Валентинка – добрая и способная к состраданию девочка, она может отказаться от своей мечты, чтобы подарить чудо другому человеку, именно поэтому героиня отдает все накопленные деньги (отложенные на покупку игрушечного корабля) старой и одинокой, «ничейной», бабушке («Ничейная бабушка»). Валентинка любит фантазировать, представляя себя то морским богом, то бродячей певицей. Мечтает героиня о многом, например о том, что «было бы просто замечательно найти какой-нибудь отдельный от взрослых остров, где жили бы только дети, росли бамбуки и ананасы, а зимой падал снег...» («Операция МИК»).

Поступая так или иначе, Валентинка руководствуется собственными мыслями и принципами, потому что у героини присутствует то, что Гегель называл «несокрушимое доверие к самому себе» [Гегель, 1969. С. 303]. Напомним, что философ считал это главнейшим свойством комического персонажа.

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках.

Необходимо заметить, что читатель имеет возможность наблюдать героиню не только с положительной стороны. Валентинка совершает ошибки, сомневается, может учинить скандал родителям или невежливо высказаться о приехавших гостях. Подобная разноплановая иллюстрация характера героини – необходимая черта комического персонажа и художественного образа вообще, ведь в противном случае герой теряет свою убедительность и становится литературной карикатурой. Такое положение применимо и необходимо в сатирических произведениях, однако перед нами текст юмористический, не предполагающий обличительного осмеяния героини. Смех, вызываемый ею у читателя, беззлобный, добрый, мягкий. Оптимизм Валентинки продиктован её детской непосредственностью и природными свойствами характера. О таком типе персонажа В. Пропп точно заметил, что он «может быть комичным как будто независимо от наличия в нем каких-то нравственных недостатков» [1976. С. 114].

Есть еще одна причина, по которой автор показывает героиню с разных сторон. Несмотря на то, что ее характер, безусловно, комический, при усилении этой черты не состоялось бы цельного образа. Ведь одна из важнейших целей детской литературы заключается в приобщении маленького читателя к большой жизни, в передаче ему важных человеческих ценностей, и «проводником» в таком случае становится «живой» герой, а не карикатурный персонаж.

Комизм ситуаций

Одна из важнейших категорий комического – неожиданность. В научной литературе дается несколько определений данного понятия. Для нас важно, что обилие формулировок связано, в основном, с причиной неожиданного. Так, например, французский мыслитель Монтескье писал: «Когда безобразие для нас неожиданно, оно может вызвать своего рода веселье и даже смех» [1955. С. 753]. Другой известный философ, А. Шопенгауэр, имел иную точку зрения: «Смех всегда возникает не из чего иного, как из неожиданного сознания несовпадения между известным понятием и реальными объектами, которые в каком-либо отношении мыслились в этом понятии, – и сам служит лишь выражением такого несовпадения» [2011. С. 540]. Многие исследователи убедительно доказывают, что прием неожиданности может быть обусловлен не только ситуацией, но и языковым контекстом [Сафонова, 2013. С. 474]. Таким образом, неожиданность – «прием комического, внезапно проявляющийся в любой точке сюжетной линии и связанный с нормальными ситуациями» [Мысоченко, 2016. С. 902].

Как отмечал Ю. Боров, механизм комической неожиданности психофизиологически сродни испугу, так как это – «реакции переживания, не подготовленная непосредственно предшествовавшими событиями и связанными с ними переживаниями» [1970. С. 49]. Это в прямом и переносном смысле справедливо для реакций героев «Записок для моих потомков», так как многие комические ситуации выстраивались в том числе и на испуге. Например, в рассказе «Огородный барабан» команда детей, пытаясь украсть колхозные арбузы, с ужасом встречается на своем пути страшного черного человека, который машет руками и пытается на них прыгнуть. Реакция детей оказалась вполне ожидаема: «Почти не таясь, мы во все лопатки помчались к забору. Мигом перемахнув через него, мы понеслись к кустам. Я бухнулась в шиповник, но со страху даже не ощутила колючек» («Огородный барабан»). Впоследствии ребята долго смеялись над тем, что такой испуг вызвало у них огородное чучело. Комизм ситуации усиливается еще и тем фактом, что буквально за пару часов до «кражи» дети уже соорудили пугало, правда, для своего огорода.

В рассказе «На память с динозавром» Валентинка с другом Васей отправилась на рыбалку, но вместо ожидаемой щуки с диким ужасом вытащили из воды динозавра, который оказался большой и сучковатой корягой. Комический эффект возникает из-за двойной неожиданности: щука – динозавр / динозавр – коряга.

Прием *неожиданности, сопряженный с реакцией испуга и страха*, в детской литературе не новинка – его активно использовал, например, Н. Носов («Тук-тук-тук», «Живая шляпа», «Мишкина каша» и др.). Несмотря на описание жутких для детей ситуаций, негативного эффекта не возникает, ведь в итоге всё обязательно разрешается благополучно. Комизм же достигается в том числе из-за несоответствия воображаемой причины испуга и его реальной, часто безобидной, причины.

Другим вариантом комической неожиданности в «Записках для моих потомков» можно назвать *комическое недоразумение*, связанное с недопониманием героев. В таких ситуациях один персонаж не вполне понимает поступки или указания другого и совершает из-за этого ошибку. Надо отметить, что если в первом случае, когда герои сами понимали причину своего испуга, комическое разрешение ситуации исходило от самих персонажей, то в случае недоразумения комический эффект возникает только на читательском уровне. Так, в рассказе «Операция МИК» после непредвиденно устроенного поджога Валентинка ожидает строгого и жесткого наказания от родителей. Поэтому, когда отец ведет ее в неизвестную местность, героиня воспринимает это как попытку «заблудить» ее в лесу, как Ганзеля и Гретель. Именно с такими мыслями Валентинка начинает выдергивать из своей юбки нитки и бросать их на дорогу, чтобы потом найти путь назад. Однако отец, как оказалось, вел свою дочь к родителям другого «поджигателя» и к концу пути с огромным удивлением обнаружил полное отсутствие юбки у девочки.

В другой ситуации недопонимание возникает уже между ребятами:

Васька сказал:

– Стукни по носу, у меня руки заняты, а там комар.

Я стукнула Ваську по носу ведёрком для рыбы.

Он завопил:

– Ты что, очумела?! – бросил банку с червями, удочки и пакет с завтраком и съездил мне по шее.

Сам попросил, а сам дерётся!

(«На память с динозавром»)

Комический эффект достигается именно за счет недоразумения: Васька не предполагал, что комара будут убивать ведром, а Валентинка прямолинейно восприняла слово «стукни».

Недопонимание возникает именно из-за того, что один или оба героя не высказывают свою мысль со всеми объяснениями, предполагая, что это понятно само собой. Так, например, Валентинка не рассказывает маме «предысторию» своего суждения: девочка узнала о теории Дарвина, а еще о том, что всё живое так или иначе связано с динозаврами. Мама же воспринимает именно слова Валентинки, поэтому диалога и, главное, комплимента не получается:

Перед сном я сказала маме:

– А знаешь, ты когда-то была динозавром.

Мне хотелось поделиться нашим открытием, а она обиделась. Я испугалась и сказала:

– Нет, мама, я пошутила, ты была обезьяной!

(«На память с динозавром»)

Сюжетный поворот, не соответствующий ожиданиям героев, также присутствует в повести А. Борисовой. В этом случае комический эффект возникает не из-за недопонимания действующих лиц, а из-за непредвиденного развития событий, расстроившего планы героев. По сути, здесь имеет место *ситуация обманутого ожидания*. Незаметно своровав колхозные арбузы, ребята с радостью их съедают, веселье детей связано еще и с тем, что ради этих арбузов пришлось пойти на риск и свое рода мошенничество – и всё как будто бы удалось. Однако плоды оказались незрелыми, и вместо спокойного сна ребят ждало расстройство желудка со всеми вытекающими последствиями. Всё это в итоге и привело героев к разоблачению («Огородный барабан»).

Стоит также выделить *комизм положений, построенный на комическом контрасте*. В таком случае чаще всего имеет место смешение высокого и низкого: например, дети воодушевленно ищут клад с золотом, а находят... ночной горшок («Операция МИК»). В другой

раз ребята проходят подготовку на настоящих героев, решив отсидеть два часа в зловонном курятнике («Трудно быть героями»). Комический эффект достигается именно за счет неожиданного контраста, логически не выводимого для читателя из предыдущих сюжетных ходов.

В «Записках для моих потомков» А. Борисова широко использует вариации неожиданного (неожиданность, связанная с воображаемой опасностью, с недоразумением – непониманием, с обманутым ожиданием, и, наконец, неожиданность, выстроенная на контрасте). Всё это обуславливает комизм ситуаций и положений, в которые попадают герои повести.

Ю. Рассказов в статье «Проба смеха» справедливо отмечал, что «речевая деятельность есть наиболее общая структура смеха» [1999. С.273]. Проблемой речевого комизма занимаются многие исследователи, например, М. А. Панина, Е. Б. Демидова, А. Е. Левицкий, Е. А. Земская и др. Однако изучение языковых средств в детской литературе пока остается на глубокой научной периферии. Безусловно, справедливо отмечал А. Н. Лук, что за основу изучения комического следует брать «словесно-речевое» творчество [1968. С. 52]. Заметим также, что проводить четкую границу между приемами создания комического неправомерно, ведь и комизм ситуаций, характера, жестов и пр. нередко формируется с помощью языковых средств, именно поэтому важно понять, что есть языковые средства и как они создают комическую атмосферу в произведении, в данном случае в «Записках для моих потомков».

Языковой комизм

Юмористический эффект в повести часто достигается за счёт *обыгрывания многозначного слова*. Вот, например, одно из размышлений Валентинки: «Говорят, в последнее время я изменилась в худшую сторону. Не знаю, где она находится, слева или справа, но по крайней мере не там, где плохо относятся к животным» («Синий лес»). Героиня буквально понимает слово «сторона» и на этом строит свое рассуждение. Как отмечал В. Виноградов [1981], игра прямым и переносным значениями является одной из знаковых форм создания юмористического эффекта. На обыгрывании многозначного слова выстроен разговор друзей:

- У цивилизованных людей теперь немножко другие понятия и приличия, – вспомнила я.
- Сардана и Васька посмотрели на меня с уважением, а Павлик нахмурился:
- Приличия – полная чепуха, их придумали взрослые. Надо одеваться прилично, есть прилично, учиться прилично – умереть можно от скуки!
- Моя мама говорит, что надо ещё прилично зарабатывать, – добавила Сардана.
- («Трудно быть героями»)

У читателя это вызывает улыбку, ведь герои не до конца понимают друг друга, потому что каждый воспринимает только одно значение: Валентинка думает о приличии как определенной норме поведения, Павлик имеет в виду «хорошо», в смысле «соответствующе нормам», а Сардана воспроизводит мамину мысль, в которой прилично значит много.

Примеров многозначности в повести достаточно, как и иллюстраций *языкового парадокса*. Это средство диктуется оригинальной логикой героя-ребенка. В формальном же отношении здесь идет речь о том, что А. Лук называл «ложным усилением» и «ложным противопоставлением» [1968. С. 54], когда вторая часть высказывания либо противоположна по смыслу, либо противоречит первой, выводя фразу на уровень абсурда. Особенно ярко это средство представлено в речи Валентинки, что вполне объяснимо, поскольку она и является рассказчиком. Так, например, упоминая о своем родственнике, она произносит: «Дядя Сеня – мой друг, потому что он хоть и взрослый, но всё-всё понимает». Или в другом месте о нём же: «...он довольно старый, ему, кажется, двадцать или тридцать лет» («Синий лес»). Парадокс высказываний виден только читателю, сама героиня искренне воспринимает двадцать и тридцать лет как нечто одинаковое и уже «старое», и ей кажется естественным, что взрослые мало что понимают в жизни. Говоря о своих предпочтениях, девочка замечает: «Петь я очень люблю и еще подумую, кем стать, когда вырасту, – матросом или певицей» («Синий

лес»). Неожиданность появления матроса, никак не прокомментированного героиней, но, по всей видимости, логично ею упомянутого, и формирует комический эффект.

Псевдоконтраст (прием, в котором вторая часть высказывания противоречит началу и тем самым усиливает и развивает мысль, заложенную в нём) мы можем найти во многих фразах Валентинки. Например, перечисляя свои с другом «подвиги», она радостно замечает: «У нас неплохо получается и дрессировка. Поросята, например, научились проходить сквозь обруч, если им показываешь еду» («Воспитательные цели»). Вначале подчеркивается удачный результат их с Васей работы, но фраза выстроена таким образом, что читатель ожидает продолжения, более подробного объяснения, и оно даже подтверждает слова девочки: дрессировка идет успешно, и свиньи теперь могут проходить сквозь обруч. Однако последние слова как раз полностью отменяют установку: оказывается, животные просто шли за едой и ничуть не «дрессировались». Именно такое снятие и вызывает юмористическое настроение читателя.

Игра со словом находит разнообразное выражение в повести. Некоторые исследователи находят в этом реализацию авангардистской языковой модели, к которой принадлежит современная детская литература [Идиатулина, 2011. С. 242]. Одним из воплощений этой игры является *обыгрывание фразеологизмов*. Наиболее частым же средством становится буквальное понимание отдельных слов, составляющих фразеологизм, что вызывает его разрушение. Это в результате приводит к неожиданному логическому переосмыслению: «Поели “что Бог послал”, как говорит моя бабушка. Бог послал нам пирожки, настряпанные Сарданиной мамой, вареные яйца и молоко в пластиковой бутылке» («Синий лес»). Разговаривая с Васей о плюсах работы швейцаром, Валентинка заключает: «Еще деньги на чай дают», и слышит в ответ: «Зачем мне их чай? Я лучше мороженое куплю...» («На память с динозавром»).

Также имеет место фонетическое обыгрывание устойчивых единиц (например, «испустила пух» о порвавшейся подушке), наложение идиом на свободное сочетание («Ни пуха тебе, ни пера, подушка») («Воспитательные цели»).

Материалом отдельного изучения могут послужить примеры языковой игры, демонстрирующие *обыгрывание звучания или значения слов, неверно понятых / услышанных* героями. Именно на этом приеме выстраивается следующий диалог Васи и Павлика:

- Есть всякие пьесы, – важничал Павлик. – Например, про то, как один принц спрашивал у всех, быть ему или не быть. Или как Дездемону душили.
- Кто душил? – раскрыл рот Васька.
- Кто-кто... Отелло.
- А зачем Отелла Дездемону душила?
- Отелло – он, а не она. Черный такой. Вот у дедушки Миши есть собака Мавр, а у Отелло была такая национальность.
- Собака?!
- Мавр, дурак!
- Кто дурак – Отелло?
- Ты дурак, отстань!
- («Как мы были актерами»)

Неверное восприятие слова возможно чаще всего именно в разговоре, поэтому в повести мы наблюдаем этот прием именно в диалогах ребят:

- Ты прямо саблезубый тигр, – засмеялась я.
- С чего это «соплезубый»? – насторожился Васька.
- («Грудно быть героями»)

Большое значение для произведений детской литературы имеет имитация или воспроизведение речи детей, с присущим ей новаторским словообразованием. В исследуемой повести есть масса примеров детских *оказионализмов*, созданных по той или иной деривационной модели. Например, Валентинка однажды заявляет родителям: «То, что вы совершили с Мальвой – кощунство... А ты, мама, **кощунья**». Девочка придумывает слово по аналогии с другими: «лгунья», «попрыгунья», «молчунья» и пр. В следующем рассказе читаем, как

ребята вылепили из глины «динозаврят», сделали лабиринт и пустили по нему гулять их воспитателя «**Минозавра**» – словообразовательное слияние Минотавра и динозавра. По мнению Л. В. Васильева, использование оригинально образованных окказионализмов является одним из важных лингвостилистических приемов создания языкового комизма [1990. С. 86].

Таким образом, в «Записках для моих потомков» одним из средств достижения комического эффекта является языковая игра, особые речевые каламбуры, выстроенные, чаще всего, на обыгрывании многозначных слов, фразеологизмов или языкового парадокса, неверного воспроизведения слова и имитации детского словообразования.

Особое место в книге занимает рассказ «Как мы были актерами». Текст примечателен тем, что демонстрирует классические принципы театральной и цирковой буффонады (вида клоунады с подчеркнута преувеличенными, утрированными действиями актера), причем не запланированной героями: ребята намеревались показать героическую пьесу жителям деревни, однако всё с самого начала пошло не так, как задумывалось. С формальной точки зрения комическая постановка оценивается и непосредственно зрителями, героями произведения, т. е. участниками художественного пространства, и читателями – адресатами этого пространства.

Первым элементом буффонады, с которым сталкиваются наблюдатели пьесы, становится утрированный, карнавальным внешним видом актеров: «На сцену вышла принцесса в атласном мамином халате и с кружевной кухонной шторкой на голове», на ногах у героини были мамины туфли на высоком каблуке. Из-за того, что обувь была крайне неудобная, к тому же туфли все время «хлябали и стучали», «принцесса немножко оступалась и заваливалась набок». В итоге «каблуки придавили халат, принцесса шлёпнулась, а одна туфля взлетела и упала в зал на голову кого-то из зрителей» («Как мы были актерами»). Буффонные положения, опять же не запланированные актерами, сопровождают всю пьесу. Так, например, Вася, играющий космического воина, был вынужден надеть серебристые лосины Валентинки, так как другой «инопланетной» одежды не было. Но штаны были слишком тесные, и, «когда Вася кланялся, раздался треск, и лосины, конечно, сзади лопнули. Принцесса не сдержалась и громко захохотала, а доблестный воин стал красный, как помидор, и боком побежал со сцены, бросив под стол коня и булаву» («Как мы были актерами»). Присутствуют также и цирковые элементы: например, в сцене, где герои передают друг другу палку колбасы, и в этот момент неожиданно из зала выбегает собака, хватая ее и моментально скрывается. Реакция же актеров представляет собой лацци, импровизированный буффонный трюк, причем в его классической форме – связанный с едой: «С тупым и счастливым видом он (Вася. – Ф. Д.) ткнул вилкой в пустую тарелку и клацнул зубами. Павлик не растерялся, мигом снял свой ботинок, выскочил из-за сцены и положил Васке на тарелку», тот «...зажмурился и засунул в рот полботинка!» («Как мы были актерами»).

Отметим, что подобные ситуации не гротескно нагромождены в повествовании, а умело разбавлены «нормальным» поведением героев, ведь, как считал Ч. Чаплин, «легче всего убить смех преувеличением» [Садуль, 1981. С. 55]. Пьеса заканчивается зрительскими овациями и искренним удивлением ребят: они ожидали прямо противоположной реакции.

Как отмечал Б. Дземидок, подобные фарсово-водевильные жанры относятся к «чистому комизму», который не содержит интеллектуальных и оценочных элементов и «однороден по эмоции» [1974. С. 90]. Это справедливо, так как основная цель чистого комизма – «вызвать смех и развлечь» [Там же].

«Записки для моих потомков» А. Борисовой – книга юмористическая, демонстрирует слияние как литературных, так и театральных принципов реализации комического. Литературные приемы представлены как минимум на трех уровнях комизма: характера, ситуаций и языка. Театральный же комизм выражается в форме классической буффонады.

Список литературы

- Алексин А. Г.** Об авторе и книге [Вступ. ст.] // Ермолаев Ю. Капля дёгтя и полмешка радости. М.: Речь, 2017. 240 с.
- Борев Ю.** Комическое. М.: Искусство, 1970. 246 с.
- Борисова А. В.** Записки для моих потомков. М.: Настя и Никита, 2014. 128 с.
- Васильев Л. М.** Современная лингвистическая семантика. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
- Виноградов В. В.** Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк., 1981. 319 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Эстетика: В 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 2. 328 с.
- Дземидок Б.** О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
- Идиатулина А. А.** Приемы речевой игры в творчестве современных детских писателей // Филология и культура. 2011. № 23. С. 242–246.
- Лук А. Н.** О чувстве юмора и остроумии. М.: Искусство, 1968. 192 с.
- Монтескье Ш.** Избр. произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.
- Москвичева О. А.** Над чем смеются дети // Вестник Моск. гос. гуманитар. ун-та. Серия: Филологические науки. 2009. № 3. С. 70–76.
- Мысоченко И. Ю.** Словесный комический образ: сущностные характеристики // Концепт. Науч.-метод. электрон. журн. 2016. Т. 15. С. 901–905.
- Носов Н. Н.** О некоторых проблемах комического // Жизнь и творчество Николая Носова: Сб. ст. / Сост. С. Миримский. М.: Дет. лит., 1985. 256 с.
- Пропп В. Я.** Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
- Рассказов Ю.** Проба смеха // Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999. С. 260–275.
- Садуль Ж.** Чарли Чаплин. М.: Искусство, 1981. 256 с.
- Сафонова Е. В.** Формы, приемы и средства создания комического // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 472–478.
- Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление. М.: Харвест, 2011. 848 с.

References

- Aleksin A. G.** Ob avtore i knige (Vstup. st.) [About the Author and the Book. Introductory Article]. In: Ermolaev Yu. Kaplya degtya i polmeshka radosti [A Drop of Tar and Half a Bag of Joy]. Moscow, Rech' Publ., 2017, 240 p. (in Russ.)
- Borev Yu.** Komicheskoe [TheComic]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, 246 p. (in Russ.)
- Borisova A. V.** Zapiski dlya moikh potomkov [Notes for My Descendants]. Moscow, Nastya i Nikita Publ., 2014, 128 p. (in Russ.)
- Dzemidok B.** O komicheskom [On the Comic]. Moscow, Progress Publ., 1974, 223 p. (in Russ.)
- Hegel G. V. F.** Aesthetics. In 4 vols. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969, vol. 2, 328 p. (in Russ.)
- Idiatulina A. A.** Priemy rechevoi igry v tvorchestve sovremennykh detskikh pisatelei [Word Play in the Works of Modern Children's Writers]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2011, no. 23, p. 242–246. (in Russ.)
- Luk A. N.** O chuvstve yumora i ostroumii [On Humor and Wit]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, 192 p. (in Russ.)
- Montesquieu Sh.** Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 803 p. (in Russ.)
- Moskvicheva O. A.** Nad chem smeyutsya deti [What Makes Children Laugh]. *Vestnik MGHU. Seria: Filologicheskie nauki* [MSHU Bulletin. Series: Philological Studies], 2009, no. 3, p. 70–76. (in Russ.)
- Mysochenko I. Yu.** Slovesnyi komicheskii obraz: sushchnostnye kharakteristiki [Verbal Comic Image: Essential Characteristics]. *Kontsept. Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept. Academic and Methodical Digital Magazine], 2016, vol. 15, p. 901–905. (in Russ.)

- Nosov N. N.** O nekotorykh problemakh komicheskogo [On Certain Problems of the Comic]. In: Zhizn' i tvorchestvo Nikolaya Nosova [Life and Works of Nikolai Nosov]. Comp. by S. Mirimsky. Moscow, Det. lit. Publ., 1985, 256 p. (in Russ.)
- Propp V. Ya.** Problemy komizma i smekha [The problems of the Comic and Laughter]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 183 p. (in Russ.)
- Rasskazov Yu.** Proba smekha [Test of Laughter]. In: Propp V. Ya. Problemy komizma i smekha. Ritual'nyi smekh v fol'klore (po povodu skazki o Nesmeyane) [The Problems of the Comic and Laughter. Ritual Laughter in Folklore (Regarding the Tale of the Unsmiling Princess)]. Moscow, Labirint Publ., 1999, p. 260–275. (in Russ.)
- Sadul Zh.** Charli Chaplin [Charlie Chaplin]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981, 256 p. (in Russ.)
- Safonova E. V.** Formy, priemy i sredstva sozdaniya komicheskogo [Forms, Techniques, and Means of Creating a Comedic Effect]. *Molodoi uchenyi* [The Young Researcher], 2013, no. 5, p. 472–478. (in Russ.)
- Schopenhauer A.** Mir kak volya i predstavlenie [The World as Will and Representation]. Moscow, Kharvest Publ., 2011, 848 p. (in Russ.)
- Vasiliev L. M.** Sovremennaya lingvisticheskaya semantika [Modern Linguistic Semantics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 176 p. (in Russ.)
- Vinogradov V. V.** Problemy russkoi stilistiki [Problems of Russian stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 319 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

03.06.2019

Сведения об авторе

Фролкина Дарья Ивановна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия)
fdic@mail.ru

Information about the Author

Daria I. Frolkina, PhD student in the history of modern Russian literature and the modern literary process of the philological faculty of Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation)
fdic@mail.ru